

Последние три слова прозвучали мягко и с капризной ноткой, отчего Су Янь едва сдержал смех.

Хань Гуан с недоумением смотрел на них. Шестой принц, куда младше его, казался сейчас слишком безмятежным, и от этого он чувствовал себя чужим.

— В общем, — Сяо Цичэнь смахнул с одежды крошки, — пока нет точных доказательств, никто не должен действовать опрометчиво. Брат Хань, я знаю, ты за него переживаешь, но импульсивность часто приводит к обратному.

Хань Гуан застыл, потом пробормотал:

— Да-да, Ваше Высочество, вы правы.

Су Янь не смог сдержать улыбки, находя Сяо Цичэня в этот момент невероятно милым. Он потрепал его по затылку, не думая о субординации, и пробормотал:

— Эх ты...

Не договорив, он встретился со странным взглядом Се Хуэя. Однако на тот никто не обратил внимания. Сяо Цичэнь стряхнул с себя руку Су Яня и заворчал:

— Хватит гладить меня по голове. Ещё в детстве матушка говорила: мужчине голову не гладят, это принципиально. Су Янь, ты чему смеёшься? Забавно?

Ворча, он и впрямь стал похож на обычного пятнадцатилетнего юнца. Су Янь послушно убрал руку, но взгляд его оставался мягким, отчего Сяо Цичэню стало неловко. Уши его покраснели, и он отвернулся.

За стенами Терема туманного дождя склонялись ивы, ночь опустилась, усеяв небо звёздами.

Попрощавшись, Се Хуэй, по своему обыкновению, не стал сразу возвращаться в резиденцию канцлера, а договорился с Сяо Цичэнем о встрече через семь дней. Хань Гуан же растворился в темноте так же незаметно, как и появился.

— Возвращаешься во дворец? — спросил Су Янь, проводив взглядом Се Хуэя. — Проводить тебя?

Сяо Цичэнь задержал взгляд, проглотив готовое сорваться «нет», и, оглядевшись, бодро согласился:

— Ладно, проводи. Я хочу прокатиться на твоём коне.

Во время состязаний в стрельбе Су Янь на вороном коне, в алой одежде и серебряных доспехах, был прекрасен, приковывая взгляды всех вокруг. Чёрного скакуна, потомка легендарных восьми коней, подарил ему Су Чжи. Коня звали Цзинфань, и, хотя он ещё не достиг расцвета сил, его уже можно было посылать в бой. Су Янь подвёл его, похлопал по седлу:

— Садись.

Сяо Цичэнь учился верховой езде, но явно уступал Су Яню. Взобрался он на коня не слишком ловко, а за поводья ухватился с некоторой опаской. Су Янь улыбнулся и взял уздечку:

— Я поведу его под уздцы.

С высоты седла всё вокруг казалось новым. Путь из Терема туманного дождя в Тайчэн лежал через Проспект Алой Птицы. Ещё при императоре Тай-цзуне, для удобства торговли, отменили ночной комендантский час, а близ проспекта открыли особый район для ночных развлечений — Ночной базар. Он работал до утра, а порядок на нём поддерживала гвардия Цзиньбу.

Чтобы добраться до Тайчэна, им предстояло пройти через этот базар.

В свете тысяч огней Ночной базар сиял особенно ярко. Фокусники собирали толпы зевак, западные купцы наперебой расхваливали свои диковинные товары, в харчевнях царило оживление. Картина была — мир да благоденствие.

— Если вдуматься, на всех четырёх рубежах уже пятнадцать лет не слышно лязга оружия... — вдруг вздохнул Су Янь и, будто спохватившись, обернулся:

— Ачэнь, я слышал от отца, твоё имя как-то связано с тюрками?

— Ага. Когда я на церемонии выбора хватался за вещи, я ухватил лук и кисть. А на следующий день пришло донесение: маркиз Пинъюань разгромил основные силы тюрков, и те вынуждены были признать себя вассалами. Когда маркиз вернулся с триумфом, он привёз множество даров от тюрков. Отец очень обрадовался и назвал меня «Цичэнь» — совпадение или доброе предзнаменование, но отец меня и вправду любил.

С тех пор тюрки затихли, но почему же они сейчас вновь тревожат границу? Су Чжи отправился оборонять Заставу Юньмэнь, и если бы не серьёзная угроза, он бы лично не поехал...

Су Янь задумался. Сяо Цичэнь легонько хлопнул его по макушке:

— А разве тишина на границах — это плохо? О чём задумался?

Древесная Гуаньинь, красный сандал, странное признание юного евнуха, императрица, Восточный дворец, Сяо Ципин, Ачэнь...

В памяти мелькнул образ тюрка, которого он видел в тот день. Су Янь поднял глаза и встретил взгляд Сяо Цичэня. Та самая мушка под глазом казалась особенно яркой в свете уличных фонарей. Он на мгновение застыл и машинально покачал головой.

Он замечал, что всё чаще теряет нить мыслей, особенно глядя на Сяо Цичэня. Его глаза были слишком притягательны, и Су Янь забывал, что хотел сказать. В такие моменты он смутно корил себя, хотя виновник его смятения выглядел совершенно невинным.

Сяо Цичэнь казался человеком со множеством лиц. Скромный и сдержанный, глубокомысленный, полный энергии, наивный и чистый — всё это был он. Су Янь всегда думал, что, выросши вместе, они знают друг друга как никто. Он был уверен, что Сяо Цичэнь владеет каждой своей эмоцией, но что насчёт него самого?

Забота о Сяо Ципине, притворная слабость перед князем Чжао, умение вовремя подольститься к императору; сближение с Се Хуэем, привлечение Великого наставника, связь с Хань Гуаном. Всё это на первый взгляд казалось случайным, но на деле каждый шаг был выверен. Всё — к месту, всё — ловко, все нити отношений сходились в его руках.

Когда Сяо Цичэнь спокойно прожигал дни во дворце, Су Янь жалел его и сердился на его бездействие. Теперь же, когда Сяо Цичэнь начал действовать, Су Янь счёл его слишком

расчётливым и отстранённым.

Он невольно спросил себя: «Су Янь, чего же ты от него хочешь?»

Кружились мысли. А над головой — звёздное небо, осенний ветер доносил с юга города звуки стирки, так не вязавшиеся с шумом Ночного базара. Ещё мгновение назад он восхищался продуманностью действий Сяо Цичэня, а теперь чувствовал лишь растерянность.

— ...Ничего, — наконец он встретился взглядом с Сяо Цичэнем и тихо сказал. — Пойдём, уже поздно.

Необычная задумчивость Су Яня в тот день не только выбила его из колеи, но и не ускользнула от Сяо Цичэня. Тот не стал расспрашивать, лишь улыбнулся в ответ, спрыгнул с коня и пошёл рядом, делая вид, что разглядывает уличную суету, и не пытаясь заговорить.

Су Янь обычно читался как открытая книга. Сяо Цичэнь, видя его озабоченность, решил, что дело в событиях минувшей ночи. Сам он чувствовал себя неловко и не хотел усугублять. «Неужели Су Янь, как и старший брат Пин, что-то заподозрил?» — беспокойно подумал он.

Он был ещё молод. Его преклонение перед властью только-только начало прорастать из величественного Чертога Великого Предела, и ему было трудно сосредоточиться на чём-то одном. В его сердце было слишком много всего, и угодить всем сразу — задача не из лёгких.

Су Янь проводил его до Восточных ворот. Командир императорской гвардии узнал Сяо Цичэня и тут же выделил отряд для сопровождения в Чертог Чэнлань.

Его фигура становилась всё меньше, пока совсем не скрылась из виду. Су Янь вскочил в седло, похлопал Цзинфаня по шее:

— Пошли.

Конь тронулся рысью по направлению к дому маркиза.

Нынешний хозяин Дома маркиза Пиньюаня, в отличие от предков, не гнался за славой, не лез в политику и чурался пиров знати, отчего его жизнь казалась подозрительно тихой.

Чиновники привыкли величать Су Чжи «генералом», и в мирное время это звучало с оттенком насмешки. Су Чжи принимал это спокойно, не вступая в пререкания. Недавно он отбыл на северные рубежи, словно учуяв в воздухе беспокойное брожение северных волков, и не собирался расслабляться.

Оборону Цзиньлина поручили Шэнь Чэнцзюню и Су Яню, но последний всё передоверил первому. Сам же он разместил Гвардию доблестной кавалерии в Саду Нань и поселился там же. Шэнь Чэнцзюнь, считая Су Яня слишком юным и давно не бывавшим дома, сделал для него исключение и отпустил домой — он всё ещё не воспринимал его всерьёз.

Управляющего в Доме маркиза звали Ван, и весь дом величал его дядей Ваном. Су Янь вернулся через боковой вход, привязал Цзинфаня в конюшне и тихо пробрался в свои покои.

Жена маркиза Пиньюаня превратилась в изысканное украшение интерьера. Она проводила дни в молельне, читая сутры, и выходила из дома даже реже, чем в девичестве. Су Янь снял лёгкие доспехи, распустил волосы и собрал их в простой пучок. Надев длинный халат мягкого покроя, он направился в молельню — представить матери весть о своём возвращении.

Там горела негасимая лампада. Похоже, за последний год матушка наконец смирилась с вестью о смерти другого своего сына. Она поставила поминальную табличку и воздавала ей почести. Су Янь замер на пороге, не в силах переступить его. Он услышал, как родная мать разговаривает с табличкой, и сердце его сжалось.

<http://bllate.org/book/15940/1425005>